

3. Böll, H. Ansichten eines Clowns [Электронный ресурс] / H. Böll // Электронная библиотека RoyalLib.Com. – Режим доступа : http://royallib.com/book/ll_einrich/Ansichten_eines_Clowns.html. – Дата доступа : 15.08.2016.
4. Бёлль, Г. Глазами клоуна [Электронный ресурс] / Г. Бёлль ; пер. Л. Чёрная // Большая онлайн-библиотека e-Reading. – Режим доступа : <http://www.e-reading.club/book.php?book=129710>. – Дата доступа : 04.09.2017.
5. Бёлль, Г. Глазами клоуна [Электронный ресурс] / Г. Бёлль ; пер. Р. Райт-Ковалёва // Большая онлайн-библиотека e-Reading. – Режим доступа : <https://www.e-reading.club/book.php?book=9967>. – Дата доступа : 04.09.2017.

К. И. Таунзед (Москва, Россия)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОДЫ КАК ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ЭПОХИ

В эпоху Екатерины II переводам книг по гуманитарным наукам уделялось особое внимание. Описывая сферу читательских интересов императрицы, С. В. Королёв – исследователь истории Эрмитажной библиотеки в XVIII в. – отмечает, что, наряду с зарубежной драматургией и трудами архитекторов и гражданских инженеров, в собрании иностранных книг Екатерины II имелся «обширный комплекс разноязычных (...) документов государственного и гражданского права; последние должны были легализовать ее планы реформирования политической системы России» [1, с. 6]. Разноязычные сочинения и их переводы по теории и истории права составляли немаловажную часть специальной литературы на протяжении всего XVIII в. и оставили заметный след как в отечественной истории, так и в истории перевода в России.

В этой связи чрезвычайный интерес для исследования представляет перевод с английского подлинника, выполненный С. Е. Десницким, при участии А. М. Брянцева, под названием «*Истолкования аглинских законов г. Блэкстона, переведенныя по высочайшему повелению великой законодательницы всероссийской*», вышедший в 3 книгах в Университетской типографии у Н. Новикова в 1780 – 1782 гг. [2]. Этот перевод всемирно известного сочинения Уильяма Блэкстона «*Commentaries on the Laws of England*» [3] до сих пор не получил научно-критического описания и, как следствие, не введен в научный оборот языкознания и переводоведения. Тем не менее для современной науки о переводе этот русский текст представляет богатейший источник весьма интересных данных о стратегии русских переводчиков XVIII в. в передаче реалий и культурно-специфической информации, о мировоззрении и взглядах самого переводчика, отраженных в его примечаниях и оценочной лексике в тексте, о стилистических исканиях и испытании ресурсов национального языка в переводе.

В сфере юридической терминологии главное, что объединяет переводческие соответствия, это крайне малое количество устойчивых соответствий и очевидное преобладание окказиональных, что свидетельствует о недостаточности ресурсов языка перевода в указанной сфере. Окказиональные соответствия юридических терминов и терминов-реалий оригинала представляют собой весь спектр переводческих решений такого рода: заимствования, кальки, функциональные аналоги и описания. Однако нередко русский переводчик XVIII в. использует комбинированный подход, сочетая разные виды окказиональных соответствий: *the speaker of the house of commons* ‘спикер палаты общин’ – глаголатель парламентский, *Speaker*, *Спыкер*; *juries / a juror* ‘присяжные’ – Джурьы / Джурьыман или свидетели присяжные судопроизводств; *the sheriff* ‘шериф’ – шериф или воевода провинциальный; *coroners* ‘коронеры’ – корнери или сыщики, имеющие исполнительную и судебную власть. На наш взгляд, подобная практика прямого переноса иноязычного слова и его одновременного калькирования, заимствования или толкования объясняется этапом становления русского литературного языка в XVIII в., когда переводчик словно испытывал возможности родного языка, пытаясь вылепить из него слово по иностранной модели и предлагая читателям сравнить его творение с исходным образцом, чтобы оценить, насколько хорошо это получилось. Русский переводчик второй половины XVIII в. нередко выступал как «копиист, старающийся воссоздать в копии особенности и колорит оригинала» [4, с. 122].

В рассматриваемом переводе нами было обнаружено 38 примечаний, из которых только 6 соответствуют сноскам автора, а 32 являются добавлениями самого переводчика. Из указанных 38 примечаний 32 представляют собой постраничные сноски, 6 – внутритекстовые. Объем примечаний варьируется от нескольких слов до нескольких страниц текста. Приведенные цифры свидетельствуют о том, что русский переводчик XVIII в. принимал живое участие в содержании иноязычного оригинала и рассматривал создаваемый им русский текст как свою трибуну публициста, филолога, просветителя.

Исходя из содержания, среди 38 примечаний мы выделили следующие группы:

– 15 примечаний посвящены описанию и объяснению реалий английской жизни;

– 10 примечаний связаны непосредственно с порядком изложения и содержанием самого текста оригинала;

– 7 примечаний представляют собой сугубо лингвистическое толкование отдельных слов, обозначающих какое-нибудь специфическое английское понятие либо контекстуально значимое наименование;

– 6 примечаний отличаются философско-публицистическим содержанием, в котором русский переводчик XVIII в. высказывает свою позицию по отдельным историческим, философским и общественным вопросам.

Самым интересным, выразительным и не лишенным самобытности среди лингвистических комментариев нам представляется пример, в котором русский переводчик XVIII в. излагает свои рассуждения об этимологии названия *dome-book or liber judicialis*, переданного в переводе как *судебник*, *Дом-бук по-аглински* с примечанием: *Дом-бук или Дум-бук происходит от саксонского слова «дом» или «дум», которое значит суд или приговор, и от которого в аглинском языке произошел и глагол to doot «ту дум», судить или думать. От сего в старинном русском языке, как то думать можно, назывались думными дьяками секретари, и думными боярами министры. А может быть сие слово и саксонцы от древних славян заняли* [2, кн. 1, с. 161]. Хотим отметить, что к таким этимологическим выводам в XVIII в. не следует подходить с современными критериями научной достоверности, возникшими через пару столетий в результате кропотливой систематической работы нескольких поколений и школ языковедов. Ценность подобных филологических рассуждений заключается в том, что они доносят до нас свидетельство лингвистических знаний эпохи и того живого интереса, который переводчик-просветитель проявлял к науке о языке.

Для современного исследователя примечания переводчика любого исторического периода представляют прежде всего документальное отражение мировоззрения, научной мысли и культуры того времени. И обращаясь к этому живому свидетельству эпохи Просвещения в России, мы пробуждаем интерес к неизвестным страницам отечественной истории, осуществляя тем самым связь времен и поколений переводчиков, филологов, патриотов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Королёв, С. В.* Книги Екатерины Великой: очерки по истории Эрмитажной библиотеки в XVIII веке / С. В. Королёв; под ред. П. А. Дружинина. – М. : Трутьень, 2016. – 216 с.
2. *Истолкования аглинских законов г. Блакстона, переведенныя по высочайшему повелению великой законодательницы всероссийской. С подлинника аглинского: в 3 кн.* – М. : Универ. типогр. у Н. Новикова, 1780 – 1782.
3. *Blackstone, W.* Commentaries on the Laws of England / W. Blackstone. – Oxford, at the Clarendon Press, 1773.
4. *Николаев, С. И.* О стилистической позиции русских переводчиков петровской эпохи (к постановке вопроса) / С. И. Николаев // Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. – Сб. 15. – Л. : Наука, 1986. – С. 109–122.